

Рус. Вѣд., 1892 Ч. 4

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

~~А 204~~
195 А ²⁰⁴/₅₁₄ СОЧИНЕНИЙ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель (1870 г.). — Графъ Бисмаркъ (1871 г.). — Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ (1888 г.). — Иванъ Грозный въ русской литературѣ (1891 г.). — Палка о двухъ концахъ (1877 г.). — Романическая исторія (1878 г.). — Политическая экономія и общественная наука (1879 г.). — Дневникъ читателя (1885—1888 гг.). — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ (1888—1892 гг.).

ИЗДАНИЕ 2-Е

Н. Н. Михайловскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28

1909

ходящее содержаніе, а переводчикъ надѣваетъ маску автора. Пожалуй, что тутъ не безъ волшебства...

Мас. № 1035₂

XXXI.

„Палата № 6“.)

Въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* (1892 г.) напечатанъ рассказъ г. Чехова „Палата № 6“, — рассказъ мастерской въ своемъ родѣ и производящій сильное впечатлѣніе. Дѣйствіе рассказа происходитъ въ сумасшедшемъ домѣ, и, читая его, я невольно припоминалъ другое произведеніе въ этомъ же родѣ, — рассказъ покойнаго Гаршина „Красный цвѣтокъ“, тоже мастерской и тоже производящій сильное впечатлѣніе. Невольно приближалъ и невольно сравнивалъ.

Извѣстно, что „Красный цвѣтокъ“ высоко цѣнится не только нами, читателями-профанами, а и специалистами психіатріи. Проф. Сикорскій находитъ въ немъ „правдивое, чуждое аффектаціи и субъективизма описаніе маниакальнаго состоянія, сдѣланное въ художественной формѣ“. „Изображеніе общаго маниакальнаго состоянія... съ полнымъ правомъ можно назвать классическимъ“. Говоря о борьбѣ двухъ сознаний въ героѣ „Краснаго цвѣтка“, г. Сикорскій замѣчаетъ, что „бесиліе здороваго сознания съ неподражаемымъ искусствомъ передано авторомъ“. „Ассоціаціи болѣзненныхъ идей подмѣчены и прослѣжены авторомъ съ поразительною тонкостью“. И т. д. Насъ, читателей-профановъ, плѣняетъ въ „Красномъ цвѣткѣ“, конечно, не эта специальная сторона, хотя можетъ быть „клиническая“, но выраженію г. Сикорскаго, правда рассказа, очевидная для специалистовъ, дѣйствуетъ и на насъ, помимо нашего сознанія. Мы ея не повимаемъ, но чувствуемъ, — чувствуемъ, что авторъ ведетъ насъ по твердой дорогѣ. Во всякомъ случаѣ, это только одинъ изъ элементовъ того высокаго и полнаго наслажденія, которое мы получаемъ отъ „Краснаго цвѣтка“. Г. Сикорскій отмѣчаетъ, между прочимъ, и конецъ рассказа. „Не касаясь художественнаго значенія“ этого конца, онъ находитъ въ немъ „одну любопытную черту, знакомую только психіатрамъ“. Это немножко сильно сказано; немножко сильно и немножко неосмотрительно, потому что собственно та черта, о которой здѣсь говоритъ почтенный профессоръ, не имѣетъ такого рѣзко специальнаго характера.

Вотъ послѣднія строки „Краснаго цвѣтка“: „Утромъ его нашли мертвымъ. Лицо его было спокойно и свѣтло; истощенныя черты съ тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами выражали какое-то горде-

ливое счастье. Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цвѣтокъ. Но рука заоченѣла, и онъ унесъ свой трофей въ могилу“.

Вы помните этотъ удивительный рассказъ. Душевно больной человѣкъ, цѣлью остроумныхъ въ своемъ родѣ соображеній, убѣдился, что случайно увиданный имъ цвѣтокъ краснаго мака осуществляетъ собою все зло міра, „онъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь (оттого онъ и былъ такъ красивъ), всѣ слезы, всю жизнь человѣчества“. Герой беретъ на себя великую задачу сразиться съ этимъ концентрированнымъ зломъ, сорвать ненавистный красный цвѣтокъ, убить его, растерзать, побѣдить хотя бы цѣною собственной жизни. „Онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всемъ зломъ міра“. Герой, проникнутый великою мыслью, идетъ въ битву и побѣждаетъ, хотя въ ту же ночь и умираетъ. Оттого-то и свѣтится его лицо „какимъ-то горделивымъ счастьемъ“. Г. Сикорскій видитъ здѣсь знакомую будто бы только психіатрамъ мысль, что „душевная болѣзнь не обезличиваетъ человѣка“, что высшая интеллигенція и благородныя черты характера остаются и среди болѣзни, что высшія и низшія природы между больными отличаются такъ же, какъ и между здоровыми. Я не думаю, чтобы эта мысль составляла исключительное достояніе психіатровъ. Да вѣдь и не хитрая это штука — отличить, наиримѣръ, „звѣря-человѣка“ Эмили Зола отъ благороднаго героя „Краснаго цвѣтка“. И именно поэтому, помимо „клинической правды“ изображенія, о которой судить не беремся, мы слѣдныи воздавать должное „звѣря-человѣку“ и мученику-побѣдителю краснаго цвѣтка, какъ нравственнымъ личностямъ. Пусть этотъ мученикъ-побѣдитель есть душевно больной, но силою своего таланта художникъ заставилъ насъ полюбить его, потому что открылъ для насъ въ немъ такія стороны, которыя доступны лишь человѣку великой души. Мысль о борьбѣ съ краснымъ цвѣткомъ, впитавшимъ въ себя все зло, всю невинно пролитую кровь, всѣ муки и всю желчь человѣчества, — безумна, но большой вѣрилъ въ нее, и та великодушная отвага, которую онъ при этомъ обнаружилъ, привлекаетъ къ себѣ всѣ наши симпатіи. Мы не знаемъ исторіи этого человѣка, авторъ не рассказывалъ намъ объ его прошлой жизни и о гѣхъ событіяхъ, которыя довели его до безумной схватки съ краснымъ цвѣткомъ. Но еще до этой роковой встрѣчи съ невиннымъ цвѣткомъ, хотя уже больной, онъ былъ завяты смутною мыслью о какомъ-то гигантскомъ

1) Впервые: „Рус. Вес“, 1892 № 335, 4. экз. ✓

предпріятіи, направленною въ уничтоженію зла на землѣ". Надо думать, что и еще раньше, здоровый, онъ съ особенною костью воспринималъ впечатлѣнія зла, что ови долго причиняли ему мучительную боль, прежде чѣмъ довести его до болѣзни. Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе исторіи жизни героя, мы его хорошо знаемъ. Все здѣсь ясно, точно, опредѣленно, — чѣмъ авторъ, личность героя, наши отношенія къ нему. Мучительныя картины, разыгрывающіяся въ больницѣ, болно бьютъ читателя по нервамъ, но процессъ чтенія не исчерпывается сильными впечатлѣніями, ибо впечатлѣнія эти слагаются въ совершенно опредѣленные мысли и чувства. Отсюда полнота художественнаго наслажденія, даваемого „Краснымъ пяткомъ".

Я не знаю, что скажутъ и скажутъ ли что-нибудь специалисты психіатріи о „Наматѣ № 6" г. Чехова, но знаю что, несмотря на производимое этимъ рассказомъ сильное впечатлѣніе, онъ не даетъ той полноты художественнаго наслажденія, кака достигается рассказомъ, написаннымъ на близкую тему Гаршинымъ. Я это не въ угоду г. Чехову говорю, — всякій знаетъ, что можетъ, — но маленькая параллель между двумя названными рассказами кажется мнѣ поучительною, совсѣмъ независимо отъ сравненія талантовъ или заслугъ ихъ авторовъ. О такомъ сравненіи я вовсе не думаю.

Мы въ сумасшедшемъ домѣ. Съ своей стороны г. Чехову мастерствомъ набросаны фигуры пяти несчастныхъ больныхъ, изъ которыхъ одному, въкоему Ивану Дмитричу Громову, авторъ удѣляетъ особенное вниманіе. Иванъ Дмитричъ всегда былъ бо- лѣзненнымъ, слабымъ неудачникомъ, и психическое расстройство настигло его какъ-то незаметно. Между прочимъ, еще здоровымъ — до чести, бывало, ни заговоришь съ нимъ, онъ все сводитъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, безмысленную жизнь, разнообразія ее насильемъ, грубымъ развратомъ и лицемеріемъ: поддлецы ситы и одѣты, а честные питаются проханами; нужны школы, мѣстная газета съ честнымъ направленіемъ, театръ, публичные чтенія, силоченно, ть вителлигентныхъ силъ: нужно, чтобы общество созрало себя и ужаснулось". Когда Иванъ Дмитричъ началъ свихиваться, къ нему пригласили доктора, заведеннаго больницы. Докторъ, Андрей Ефимичъ Распилъ, прописалъ холодныя компрессы и давровишневый капля, но заявилъ при этомъ, что больше не придетъ, „потому что не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходиться съ ума". Докторъ этотъ, какъ и авторъ его разсказываетъ, замѣчательный въ своемъ

рѣдѣ человѣкъ. Подобно сумасшедшему Ивану Дмитричу, онъ очень цѣнитъ умъ, просвѣщеніе, наслажденіе обмѣномъ мыслей и скорбѣтъ о томъ, что въ ихъ городѣ все это въ загоиѣ. Онъ бесѣдуетъ на эту тему и съ друзьями своими, поттмейстеромъ, который тоже цѣнитъ просвѣщеніе и скорбѣтъ о скудости ихъ города въ этомъ отношеніи, и съ сумасшедшимъ Иваномъ Дмитричемъ. Поттмейстеръ — лицо вводное, и разсказъ могъ бы даже совершенно безъ него обойтись. Но бесѣды доктора Андрея Ефимыча съ сумасшедшимъ Иваномъ Дмитричемъ крайне интересны. Первое знакомство ихъ, какъ мы видѣли, ознаменовалось заявленіемъ доктора, что „не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходиться съ ума". Это безразличное отношеніе къ людямъ и людскимъ дѣламъ очень характерно вообще для Андрея Ефимыча. Будучи человекомъ не только не мягкимъ, а даже очень мягкимъ и добрымъ, онъ разсуждаетъ, напримѣръ, такъ: „къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой-нибудь торгошья или чиновникъ проживетъ лишніе пять, десять лѣтъ? Если же видѣть дѣль медицины въ томъ, что лекарства облегчаютъ страданія, то неволью напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человека къ совершенству, и во-вторыхъ, если человечество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и кан- лями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье". Андрей Ефимычъ отлично знаетъ, что его больница очень плоха и порядки въ ней нигде не годятся, и что есть на свѣтѣ подобныя же заведенія, поставленныя гораздо лучше. Но — утѣшаетъ онъ себя: „сумасшедшимъ устраиваютъ балы и спектакли, а на волю ихъ все-таки не выпускаютъ. Значитъ, все вздоръ и суета, и разницы между лучшей въ- скою канникой и моею больницей, въ сущности, нѣтъ никакой".

Эту свою философію, случайно разговорившись съ сумасшедшимъ Иваномъ Дмитричемъ, докторъ развиваетъ и ему. Иванъ Дмитричъ говоритъ: „Десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что ваше невѣжество не способно отличить ихъ отъ здоровыхъ; почему же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за кѣлкою, какъ козлы отпущенія?" Докторъ отвѣчаетъ: „кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ, — вотъ и все. Въ томъ, что я докторъ, а вы душевный больной, нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна

Иванъ
Дмитричъ
Громовъ

только пустая случайность. И действительно, слушая разговоры этого доктора с этим больным, поневоле приходится думать, что они могли бы поменяться своими ролями. Правда, Иванъ Дмитричъ говорить раздражительно и съ внезапною суровостью берет иногда глупыя ноты, а Андрей Ефимычъ спокойно резонерствуетъ. Но бываютъ вѣдь и раздражительные здоровые люди и спокойно резонерствующие сумасшедшіе. Докторъ Андрей Ефимычъ такъ уговариваетъ больного: «между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этой палатой нѣтъ никакой разницы,—покой и довольство человека не въ его, а въ немъ самомъ». И еще: «при всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра,—вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человекъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками». А сумасшедшій Иванъ Дмитричъ рипостируетъ доктору такъ: «Я знаю только, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ. Да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованиемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По моему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ восприимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на действительность».

Можно спорить о томъ, кто изъ этихъ двухъ философовъ правъ и кто ошибается, но сказать—который изъ нихъ докторъ и который сумасшедшій—довольно, мнѣ кажется, трудно. Неудивительно поэтому, что окружающіе заподозрѣваютъ въ докторѣ психическое расстройство и что, послѣ одного совершенно побочнаго приключенія, онъ попадаетъ въ ту самую палату № 6, гдѣ онъ философствовалъ съ Иваномъ Дмитричемъ. Бывшій докторъ сначала кротко недоумѣваетъ, утѣшая себя тѣмъ, что между докторомъ, въ которомъ онъ жилъ, и палатой № 6 нѣтъ никакой разницы, что все на томъ свѣтѣ вздоръ и суета суетъ, но быстро утрачиваетъ свою философію, раздражается, пребываетъ, чтобы его выпустили, ломится въ дверь. Сторожъ Никита, убѣжденный въ необходимости расправиться съ больными кулаками, бьетъ его: происходитъ отвратительная, душу раздражающая сцена, въ концѣ которой бывший докторъ падаетъ отъ чувствъ, а на другой день умираетъ отъ апоплексическаго удара. Сначала онъ

почувствовалъ потрясающій ознобъ и тошноту, что-то отвратительное, какъ казалось, похожее на гниющую кислоту канусту и дурная яича, проникая во все тѣло, даже въ пальцы, потянуло отъ желудка къ головѣ и залило глаза и уши. Позеленѣло въ глазахъ. Андрей Ефимычъ понялъ, что ему пришелъ конецъ, и вспомнилъ, что Иванъ Дмитричъ, Михаилъ Аверьяновичъ (почтмейстеръ) и миллионы людей вѣрятъ въ безсмертіе. А вдругъ оно есть? Но безсмертія ему не хотѣлось, и онъ думалъ о немъ только мгновеніе. Стадо антилопъ, необыкновенно красивыхъ и граціозныхъ, пробѣжало мимо него; потомъ баба протянула къ нему руку съ заказнымъ письмомъ... Сказалъ что-то Михаилъ Аверьянычъ. Потомъ все исчезло, и Андрей Ефимычъ забылся на вѣки».

Я выписалъ эти строки, чтобы читатель сравнилъ ихъ съ вышеприведеннымъ концомъ «Краснаго цвѣтка». Гаршинъ не покусился на изображеніе того, чего никто не знаетъ и знать не можетъ,—последняго бреда умирающаго отъ апоплексии человека. Онъ удовольствовался виднымъ выраженіемъ горделиваго счастья на лицѣ покойника. Г. Чеховъ смѣлѣе. Онъ пропустилъ передъ глазами умирающаго стадо граціозныхъ антилопъ и бабу съ заказнымъ письмомъ... Такъ ли оно бываетъ,—живые не знаютъ, а мертвые не расскажутъ. Но не только этотъ произволь, слишкомъ реальный для поэзіи и слишкомъ поэтический для реализма, невыгодно отрипаетъ рассказъ г. Чехова отъ рассказа Гаршина. Тамъ, повторяю, все ясно, опредѣленно, все вылитое, выфучено изъ цѣльнаго куска, и ни одной строки ни прибавить, ни убавить нельзя. Совѣтъ не то у г. Чехова. Начать съ того, что если не личность почтмейстера, то, по крайней мѣрѣ, все то побочное предсмертное приключеніе, которое связано съ этой личностью (поѣздка въ Москву и Варшаву), можно бы было выкинуть съ прямою выгодой для сжатости и яркости рассказа. Мысль читателя и безъ того разбѣгается по разнымъ подчеркиваемымъ авторомъ пунктамъ, съ усиленіемъ лица центра рассказа. Впечатлѣнія отъ множества художественныхъ, иногда очень тонкихъ подробностей съ трудомъ комбинируются въ опредѣленные мысли и чувства. Что мы получили? Возмутительную картину порядковъ провинціального сумасшедшаго дома? Да. И за это мы, конечно, должны быть благодарны автору: надо знать все это и почувствовать весь этотъ ужасъ небрежнаго и безчеловѣчнаго обращенія, грязноватости. Получили мы еще, въ диалогической формѣ, два параллельные философскія трактата о цѣнности жизни. Спасибо, пожалуй,

Впервые Р. 1892, 1892, 4 экз. № 225

и за это, хотя они много выиграли бы, если бы так в видѣ философскихъ трактатовъ и объявились, тѣмъ болѣе, что они могутъ вполне хорошо развиваться въ специальной атмосфере палаты № 6. Во всякомъ случаѣ очевидно, что авторъ не хотѣлъ удовольствоваться простымъ изображеніемъ этой атмосферы. Онъ имѣлъ намѣреніе еще что-то сказать намъ. Что именно? И докторъ Андрей Ефимычъ, и сумасшедшій Иванъ Дмитричъ и почтмейстеръ Михаилъ Аверьянычъ въ одинъ голосъ говорятъ о наслажденіи умственной дѣятельностью и объ отсутствіи таковой въ томъ глухомъ городишкѣ, куда ихъ забросила судьба. Докторъ утверждаетъ даже, что „болѣзнь его только въ томъ, что за двадцать лѣтъ онъ нашелъ во всемъ городѣ одного только умнаго человѣка да и тотъ сумасшедшій“. Въ свою очередь и нелѣпый почтмейстеръ говорить со вздохомъ: „Однако, въ какую глушь занесла насъ судьба! Досаднѣе всего, что здѣсь и умирать придется: Эхъ!..“ И въ самомъ дѣлѣ это ужасно: люди, выше всего на свѣтѣ цѣнящіе умственнаго наслажденія, поставлены въ такое положеніе, что могутъ найти себѣ собесѣдника только въ сумасшедшемъ домѣ, а кругомъ вездѣ мракъ, пошлость, развратъ, грубость. И такъ двадцать лѣтъ подъ рядъ, да еще и впередъ можетъ быть столько же предстоитъ! Это настоящіе страдалцы, и читатель готовъ бы былъ обнять ихъ душой, отдать имъ все свое сочувствіе, несмотря на провнческія нотки, пробивающіяся мѣстами у автора какъ по адресу самихъ этихъ страдалцевъ, такъ и по отношенію къ исключительной пѣнности умственнаго наслажденія. Эти отнюдь не добрыя ироническія нотки сама по себѣ еще ничему бы не мѣшали. Но, рядомъ съ задачей изображенія этихъ, хотя бы и нѣсколько смѣшныхъ страдалцевъ (если таковая была у автора), можно усмотрѣть въ „Палатѣ № 6“ и другія.

Неизвѣстно, когда именно сходить съ ума Андрей Ефимычъ. Неизвѣстно даже, сходить ли онъ съ ума потому что почти съ самаго своего появленія въ городишкѣ и вплоть до послѣдней, предсмертной вспышки, онъ одинаково спокойно исповѣдуетъ одну и ту же философію и не совершаетъ никакихъ безумныхъ поступковъ. Правда, ему прописываютъ бромистый калий, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Правда, нелѣпый почтмейстеръ чуть не силкомъ беретъ его съ собой въ Москву и Варшаву, чтобы представить ему, въ качествѣ больного, отдыхъ и развлеченіе. Но почтмейстеръ вообще нелѣпый человѣкъ, и несчастный докторъ не безъ основанія размышляетъ о немъ дурно въ началѣ: „Кто изъ насъ

обоихъ сумасшедшій? Я ли, который стараюсь ничѣмъ не обезпечить пассажировъ или этотъ эгоистъ, который думаетъ, что онъ здѣсь умнѣе и интереснѣе всѣхъ, и оттого никому не даетъ покоя?“ Можетъ быть, значить, сумасшедшимъ Иванъ Дмитричъ правъ, когда изумляется, почему онъ въ больницѣ, а другіе, въ томъ числѣ и докторъ, гуляютъ на свободѣ? Можетъ быть и докторъ правъ, отвѣчая, что тутъ нѣтъ логики, а одна только пустая случайность? Можетъ быть, здѣсь именно лежитъ центръ всего разсказа г. Чехова.

Можетъ быть. За многое разное можно уцѣпиться въ разсказѣ г. Чехова, и именно поэтому ни за что нельзя ухватиться съ увѣренностью. Каждому читателю предоставляется комбинировать отдѣльныя, полученныя при чтеніи впечатлѣнія на свой собственный страхъ и съ рискомъ ошибиться относительно пѣлей и намѣреній самого автора, относительно того—въ чемъ самъ онъ видитъ интересъ разсказа. Рискну и я.

Г. Чеховъ большой талантъ. Это фактъ общепризнанный. Но читатели таланта г. Чехова рѣзко раздѣляются на двѣ группы. Одни возводятъ своеобразную манеру его писанія въ принципъ. Въ томъ безразличіи и безучастіи, съ которымъ г. Чеховъ направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и воду, на красные и всякіе другіе цвѣтки, они видятъ новое откровеніе, которое величаютъ „реабилитацией дѣйствительности“ и „пантеизмомъ“. Все въ природѣ равноцѣнно, говорятъ они, все одинаково достойно художественнаго воспроизведенія, все можетъ дать одинаковое художественное наслажденіе, а сортировку сюжетовъ съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было принциповъ надо бросить, что и дѣлаетъ г. Чеховъ. Другіе, напротивъ, скорбятъ объ этой неразборчивой растратѣ большого таланта. Я припадежу къ числу этихъ послѣднихъ. Высоко цѣня большой талантъ г. Чехова, я думаю, что если бы онъ разстался съ своимъ безразличіемъ и безучастіемъ, русская литература имѣла бы въ его лицѣ не только большой талантъ, а и большого писателя. Я боюсь, что въ одинъ прескверный для него день онъ скажетъ самому себѣ: „Каждая мысль и каждое чувство живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ партинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самыя искусныя аналитикъ не найдеть того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка; а коли нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего“. Этотъ скверный день, я думаю, 1. Чеховъ однажды уже пережилъ. Полагаю, что въ каждаго слова въ жизни имѣетъ

Угрюмъ
Угрюмъ
К. Чеховъ
1892
исполненъ
то же, что
1892

самым в уста героя повести „Скучная история“, прекрасной повести, о которой в свое время беседовалъ съ читателями „Русскихъ Вѣдомостей“. Слова эти говоритъ 62-лѣтній ученый Николай Степановичъ, но я думаю, что они приличествуютъ и молодому беллетристу Чехову и что поэтому именно такъ хороша своимъ задуманно грустнымъ тономъ повесть „Скучная история“. Вместе съ тѣмъ это едва ли не единственное сравнительно большое произведение г. Чехова, которое представляетъ собою не рядъ прекрасно ограниченныхъ бусъ, механически нанизанныхъ на нитку, а цѣльный самородокъ. Въ „Палатѣ № 6“ мы опять имѣемъ бусы, да еще перепутанныя, но мнѣ и здѣсь чудится безсознательный протестъ большого таланта противъ употребленія, которое изъ него дѣлаетъ авторъ.

Когда сторожъ Никита грубо отпихнулъ Андрея Ефимыча отъ двери, потомъ съ размаху и до крови ударилъ его по лицу и еще два раза въ спину, несчастный упалъ безъ чувствъ. Но передъ этимъ обморокомъ былъ моментъ особенно яркаго сознанія. „Отъ боли онъ укусилъ подушку и стиснулъ зубы, и вдругъ въ головѣ его среди хаоса ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами изо дня въ день эти люди, казавшіяся теперь при лунномъ свѣтѣ черными тѣнями. Какъ могло случиться, что въ продолженіе больше, чѣмъ двадцати лѣтъ, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не виноватъ, не имѣлъ понятія о боли, значитъ, онъ не виноватъ, но совѣсть, такая же неговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ“.

Такъ вдребезги разбилась спокойная философія Андрея Ефимыча. А вѣдь эта философія очень сродни той „реабилитационной дѣятельности“ и тому „пантеизму“, пророкомъ которыхъ хотѣлъ бы сдѣлать г. Чехова нѣкоторые изъ его почитателей,—не безъ новаго въ съ его стороны. Въ самомъ дѣлѣ, логически продолжая идею реабилитации дѣятельности, пантеизма, равноцѣнности всего сущаго, можно, подобно Андрею Ефимычу, придти къ заключенію, что нѣтъ разницы между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и грязной, вонючей палатой № 6. Герой „Краснаго цвѣтка“ тоже утверждаетъ, что ему все — все равно: „все равно гдѣ жить, что чувствовать, даже жить и не жить... все равно, держите ли вы меня

здѣсь (въ сумасшедшемъ домѣ) или отпустите на волю, свободенъ я или связанъ“. Но это онъ говоритъ лично о себѣ, и это не потому ему все равно, что у него есть великая мысль, общая мысль“, ради которой онъ готовъ принять всяческое страданіе, а другимъ—онъ это знаетъ—совѣсть не все равно „страдать или наслаждаться“. У Андрея же Ефимыча теорія равноцѣнности всякихъ положеній есть просто отвлеченная философія: она и разсыпается въ прахъ, какъ только ему самому приходится встать въ положеніе, въ которомъ двадцать лѣтъ подрядъ находились его пациенты. Въ сущности, такъ именно поступаетъ всякій теоретикъ реабилитации дѣятельности: онъ держится своей безпечатливой теоріи лишь до тѣхъ поръ, пока эта самая дѣятельность не треснетъ его кулакомъ. Никиты или, какъ справедливо говорить г. Чеховъ, не ущемитъ „такого же неговорчивою, какъ Никита“, совѣстью. Правдъ, значитъ, сумасшедшій Иванъ Дмитричъ: „Органическая тѣнь, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе: на боль и отвѣчая крикомъ и слезами, на подлость—негодованиемъ, на мерзость—отвращеніемъ“. А то выдумали на все сущее отвѣчать однимъ художественнымъ созерцаніемъ и воспроизведеніемъ!.

Такъ хотѣлось бы мнѣ истолковать новый рассказъ г. Чехова. Такъ хотѣлось бы, но я отнюдь не увѣренъ, что такова именно мысль самого автора. До нея добраться не легко. Возвращаясь на минуту къ „Красному цвѣтку“, напомнимъ, что тамъ нѣтъ биографіи героя, и однако мы его понимаемъ, понимаемъ его душу, великую въ своемъ безуміи. Въ „Палатѣ № 6“ съ подробностью рассказаны биографіи всѣхъ главныхъ дѣствующихъ лицъ, а мы даже не можемъ хорошенько разобрать, кто изъ нихъ сумасшедшій, кто въ здоровомъ умѣ. Андрей Ефимычъ, будучи добрымъ человѣкомъ, всю жизнь не замѣчаетъ чужихъ мученій и проповѣдуетъ успокоительную философію. Въ моментъ остраго припадка, когда онъ начинаетъ буйствовать, въ немъ просыпается свѣсть и подсказываетъ тѣ самыя слова, которыми онъ давно могъ бы научиться у сумасшедшаго Ивана Дмитрича. Кто же наконецъ здѣсь сумасшедшій? Все это сильно бьетъ по нервамъ читателя, но не satisfies въ опредѣленные мысли и чувства, не даетъ и художественнаго удовольствія.